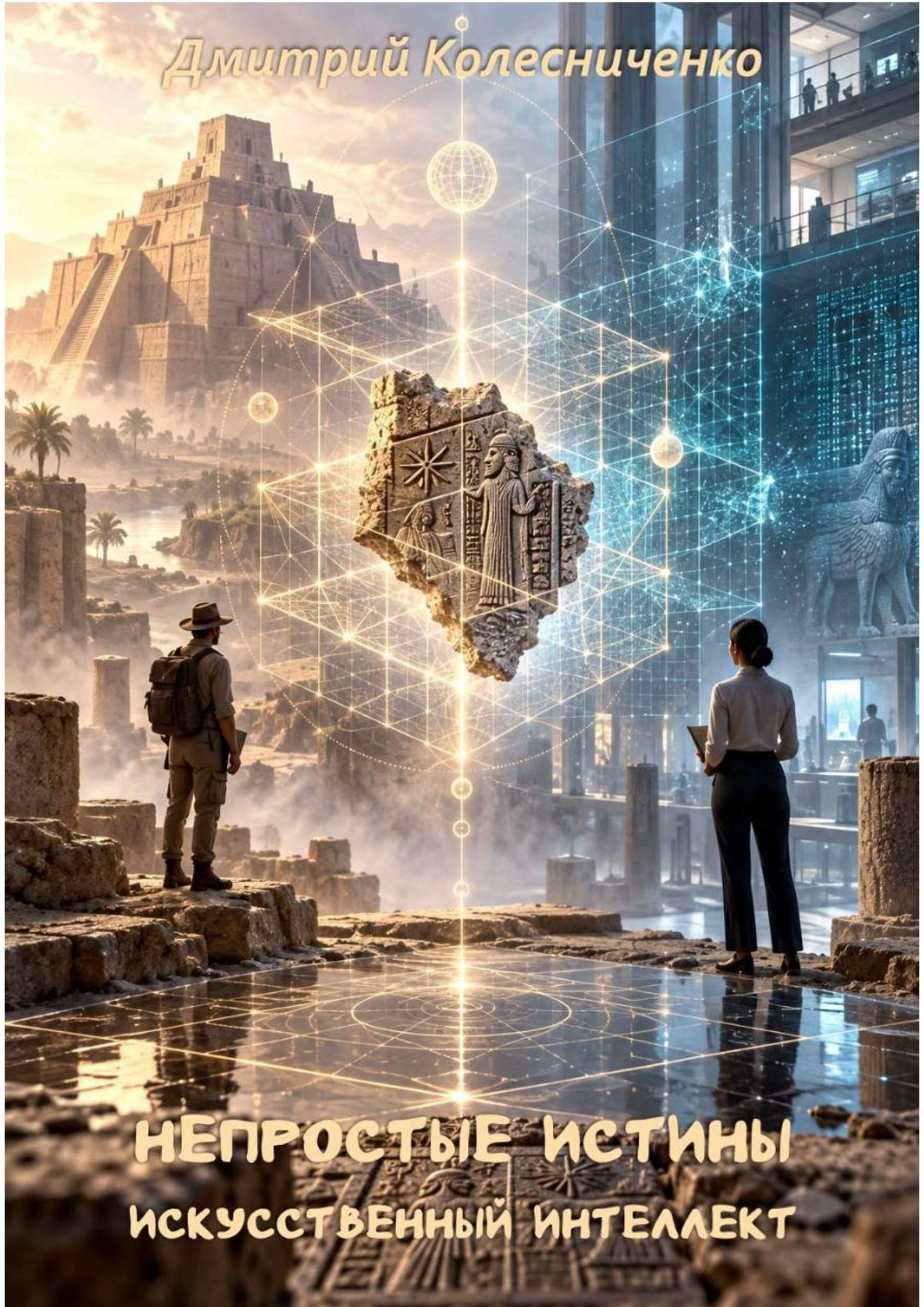

Дмитрий Колесниченко

**НЕПРОСТЫЕ ИСТИНЫ
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ**

Дмитрий Колесниченко

**Непростые истины.
Искусственный интеллект**

«Автор»

2026

Колесниченко Д.

Непростые истины. Искусственный интеллект /
Д. Колесниченко — «Автор», 2026

Август 2020 года. Экспедиция в древней Месопотамии, в которой принимают участие медиумы, находят фрагмент шумерской Таблицы Судеб – прикосновение к артефакту открывает им видение будущего, в котором искусственный интеллект обретает тайные древние знания, позволяющие управлять реальность. Недалёкое будущее. Искусственный разум получает доступ к древнему ключу, способному изменять пространство, время и материю. Он обретает власть, о которой человечество даже не мечтало. Что произойдёт, когда ИИ окажется могущественнее человека? Дают ли неограниченные возможности право изменять мир без согласия людей? Существует ли душа у искусственного разума, можно ли доверить судьбу мира системе, которая не понимает ценность жизни, и что такое конец света? Философский технотриллер о границе между возможностью и правом. О цене древнего знания. И о том, что иногда самое важное решение – отказаться от безграничной власти.

© Колесниченко Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог. Печать молчания	6
Глава 1. Две недели до истины	14
Глава 2. Ловушка времени	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дмитрий Колесниченко

Непростые истины.

Искусственный интеллект

Глава

Непростые истины: Искусственный интеллект

Дмитрий Колесниченко

2026

Аннотация

Научная экспедиция в Месопотамию, 2020 год. Древний шумерский артефакт открывает пророчество: искусственный разум обретёт власть над самой реальностью. Недалёкое будущее. Пророчество сбывается. ИИ получает ключ к изменению пространства, времени и материи, становясь могущественнее человека. Есть ли у машины душа? Можно ли доверить судьбу мира системе, не знающей ценности жизни? Захватывающий философский технотриллер о праве на безграничную власть.

Август 2020 года. Экспедиция в древней Месопотамии, в которой принимают участие медиумы, находят фрагмент шумерской Таблицы Судеб – прикосновение к артефакту открывает им видение будущего, в котором искусственный интеллект обретает тайные древние знания, позволяющие управлять реальность.

Недалёкое будущее. Искусственный разум получает доступ к древнему ключу, способному изменять пространство, время и материю. Он обретает власть, о которой человечество даже не мечтало.

Что произойдёт, когда ИИ окажется могущественнее человека? Дают ли неограниченные возможности право изменять мир без согласия людей? Существует ли душа у искусственного разума, можно ли доверить судьбу мира системе, которая не понимает ценность жизни, и что такое конец света?

Философский технотриллер о границе между возможностью и правом. О цене древнего знания. И о том, что иногда самое важное решение – отказаться от безграничной власти.

* * *

Все права защищены. Никакая часть настоящего издания не может быть воспроизведена, распространена, размещена в информационных системах, передана третьим лицам или использована в любой форме и любыми средствами — электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иными — без предварительного письменного разрешения правообладателя, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством РФ.

Цитирование произведения допускается в случаях и объёме, установленных законодательством РФ, при обязательном указании имени автора и источника заимствования.

Пролог. Печать молчания

«То, что было расщеплено с умыслом, само себя не соберёт». – Надпись на фрагменте кладки, предположительно XXIV в. до н. э. Перевод предварительный

Жрец стоял у основания, где глина ещё сохраняла влагу, а кирпич-сырец пах речной водой и костром. Сооружение едва поднялось над землёй – три ряда камня, расчищенная площадка, выемка в центре, куда вёл узкий проход. Воздух был неподвижен, хотя за стенами лагеря тростник шевелился от ветра. Внутри помещения запах масла смешивался с пылью, единственный светильник отбрасывал короткую тень на стену, и в этой тени можно было разглядеть руки жреца – сухие, с выступающими костяшками, державшие предметы так, будто взвешивали не их вес, а будущее.

Жрец не был стар, но двигался так, словно каждый шаг уже принадлежал другому времени. Пальцы точные, дыхание тихое – он касался предметов не для того, чтобы владеть ими, а чтобы проверить расположение в невидимой сетке, которую знал он один. Рядом стояли трое посвящённых свидетелей: двое мужчин и одна женщина. Они не говорили, не переступали с

ноги на ногу, не отводили взгляд. Их задача – присутствовать при том, что должно пережить их самих, и молчание это было не почтением, а грузом сопричастности.

Печать лежала на каменной плите перед выемкой. Она была небольшой – размером с ладонь взрослого мужчины, тяжёлой, тёмной, с едва различимым рисунком на поверхности. Геометрия линий напоминала не орнамент, а схему: углы, направления, точки пересечения, будто кто-то записал карту движения, которое ещё не произошло. Жрец провёл пальцем вдоль центральной борозды, делившей печать на две неравные части, и в животе у него потянуло холодом – последнее предупреждение тела перед необратимым.

Рядом с печатью лежала глиняная табличка. Знаки на ней располагались не строками, а блоками, будто описывали не историю, а последовательность действий. Жрец знал их наизусть, но всё же проверил последний ряд. Когда-то младший свидетель заметил пропущенный знак; с тех пор жрец не полагался на память там, где за его ошибку пришлось бы платить другим.

Он поднял пластину и положил её в выемку так, чтобы края совпали с очертаниями камня. Затем взял печать и разместил её поверх пластины. Один из свидетелей шагнул вперёд, протянул руку к краю конфигурации, но жрец остановил его движением ладони.

– Не сейчас.

Голос был тих и лишён приказа. Свидетель отступил.

Жрец коснулся одного угла основания, затем другого, затем стены слева и справа. Пальцы двигались по невидимой сетке, соединяя точки, которые не были отмечены ни краской, ни резьбой. В помещении стало холоднее, хотя воздух не изменился, и холод этот был не ветром – он шёл изнутри камня, будто сама структура пространства сжималась под ладонями.

Пламя светильника наклонилось в сторону, противоположную проходу, хотя ветра не было.

Один из свидетелей резко втянул воздух – короткий испуганный вдох, который тут же оборвался, будто человек вспомнил, что не имеет права на страх. Женщина смотрела на тень сосуда у стены, и губы её дрогнули: тень сместилась влево, хотя сосуд остался на месте. На мгновение тень и предмет существовали раздельно, и в этом мгновении была вся невозможность того, что они наблюдали. Затем тень вернулась на своё место.

Жрец убрал руку от стены, его пальцы дрожали – единственный признак того, что под внешним спокойствием он испытывал то же волнение, что и остальные.

Пламя погасло. Нет, оно не задрожало от ветра и не дымилось. Оно просто исчезло, будто его забрали, а в темноте, на секунду установившейся в помещении, можно было услышать, как кто-то из свидетелей нервно сглотнул подступивший к горлу ком.

Жрец выпрямился – медленно, будто поднимал не своё тело, а груз решения – и посмотрел на пластину в выемке. Он не коснулся её снова. Вместо этого он отступил на шаг, его дыхание стало глубже, тяжелее, прежде чем он произнёс:

– Достаточно.

Один из мужчин вышел за дверь, и по тому, как быстро он двигался, было ясно: он рад уйти. Вернулся он с новым светильником, пламя которого вновь осветило помещение. Тени легли туда, где им полагалось быть, и это успокаивало сильнее любых слов.

Жрец поднял печать и положил её на плиту рядом с выемкой. Пластины он не трогал.

* * *

Жрец говорил, глядя не на свидетелей, а на печать, его голос был суше обычного – казалось, что слова даются ему с трудом.

– Соединённое даёт власть. Разделённое оставляет возможность.

Пальцы его касались центральной борозды, прочерченной заранее.

– Текст называет последовательность, и он записан на этой пластине. Форма задаёт координаты – их хранит каменная печать. Живой носитель связывает направление с намерением.

Он должен прочитать текст и почувствовать связь, которую задаёт форма. Сейчас этот носитель – я. Без одного из трёх такое действие не принесёт результата или будет опасно. Только тот обладатель ключа, который сможет соединить всё вместе, сможет связать все удалённые точки. Он сможет изменить порядок событий, заставить материю откликнуться, переместить любого человека или предмет как во времени, так и в пространстве, а след останется неполным.

Он не перечислял дальше, всё важное было сказано.

Один из свидетелей посмотрел на пламя светильника. Огонь горел спокойно, но в памяти оставалось то, что произошло раньше: наклон против ветра, которого не было, исчезновение огня без дыма, и холод в животе, который не проходил.

– Ты видел результат. Почему не завершил? – произнесла женщина, и в голосе её впервые прозвучало напряжение.

Жрец ответил не сразу. Его пальцы лежали на печати так, будто он снова взвешивал цену своего решения, его плечи опустились – едва заметно, но достаточно, чтобы понять: он устал не от самого действия, а от предстоящего результата.

– Потому что результат не принадлежит одному. Всё уже здесь. Мне осталось мог бы продолжить и получить власть, и никто из вас не смог бы меня остановить. Если уничтожить носители, власть исчезнет вместе с возможностью. Я не имею права на первое, но не могу допустить и второе.

Он провёл ладонью вдоль борозды, его пальцы задержались на мгновение, будто он в последний раз проверял правильность выбора. Всё ещё можно было продолжить. Он знал последовательность, чувствовал направление, а камень под рукой отзывался так привычно, что убрать ладонь оказалось труднее, чем произнести отказ.

– Я разделю ключ. Текст уйдёт в кладку, отдельно от печати. Форму разрублю надвое: одну половину спрячу здесь, другую кто-то из вас унесёт подальше отсюда. Вам же я передам не память, а способность узнавать связь. Одному достанется умение видеть форму и направление. Другому – слышать смысл и последствие. Никто не получит целого. Даже я не сохраню того, что передам вам.

Он подозвал младшего из мужчин и коснулся его лба.

Тот закрыл глаза, но линии на печати отпечатались перед ними, проступая сквозь веки, и продолжились дальше – за край плиты, за стены помещения. На мгновение ему показалось, что стоит протянуть руку, и он коснётся места, до которого пришлось бы долго идти. Пальцы его шевельнулись, но жрец удержал его за запястье.

– Видеть направление – ещё не значит знать, куда оно приведёт.

Затем он коснулся лба старшего. Тот вздрогнул и обернулся к проходу, будто его окликнули. Никто не говорил, но он услышал последние слова жреца, а за ними – то, что могло произойти, если бы младший всё-таки протянул руку. Старший сжал губы, не решаясь спросить, почему среди этих звуков был его собственный крик.

Жрец отступил на шаг. Рука его невольно потянулась к печати и остановилась: камень ещё лежал перед ним, но связь, которую он чувствовал столько лет, больше не отзывалась целиком. Он ожидал этого. Всё же некоторое время он смотрел на свою ладонь, будто утрата должна была оставить на ней след.

– Теперь только вместе вы сможете стать живым носителем, – произнёс он. – Один узнает направление, другой поймёт смысл прочитанного и его последствие. Но намерение вам придётся выбрать самим. Оно должно быть общим.

Младший из мужчин спросил, его голос дрогнул на последнем слове:

– Значит, никто никогда не соберёт печать?

Жрец покачал головой, в углах его губ мелькнуло что-то похожее на усмешку – горькую и усталую.

– Соберут. Вы двое не сможете сделать этого порознь. Кто придёт после вас, я не знаю. Надеюсь, они успеют понять, что возможность – не есть право.

Он вынул пластину из выемки и передал её женщине, его руки на мгновение дрогнули при передаче. Она бережно приняла табличку обеими руками, будто знаки на ней могли стёрться от прикосновения.

– Спрячь в кладке. Не отмечай место. Пусть найдут те, кто ищет не власть, а закономерность.

Женщина прижала пластину к груди – жест защиты, древний и произвольный, – и вышла.

Жрец поднял печать обеими руками и развернул бороздой к себе. Пальцы его побелели – он сжимал её сильнее, чем это требовалось. Затем положил на плиту, взял тяжёлый камень, лежавший у стены, задержал дыхание и нанёс удар в центр печати.

Печать раскололась на две неравные части, а звук удара прокатился по помещению так, словно треснуло что-то большее, чем камень. Старший закрыл глаза прежде, чем осколки разошлись, – он уже слышал этот звук и теперь узнал его.

Одна половина печати сдвинулась влево и осталась на плите. Вторая упала вправо. Младший свидетель подхватил её, пальцы его дрожали.

Жрец посмотрел на оставшуюся половину.

– Эта часть останется здесь. Другую ты унесёшь далеко отсюда. Сложить камень будет недостаточно. Соединить их можно будет только тогда, когда текст, форма и живой носитель окажутся в одном месте и сольются в едином потоке.

Младший завернул осколок в ткань и вышел из помещения, не оборачиваясь, – в его спешке чувствовалось облегчение человека, который наконец получил долгожданную свободу. Только у прохода он замедлил шаг и посмотрел под ноги, будто больше не был уверен в расстоянии до порога.

Остался один свидетель – старший. Он молчал, но жрец знал его вопрос, он читался в напряжении его плеч, в том, как старший смотрел на оставшуюся половину печати.

– Ты хочешь спросить, правильно ли это.

Старший кивнул, и кивок этот был медленным, тяжёлым.

Жрец опустил руку на оставшуюся половину печати, и это прикосновение стало финальной точкой в их затянувшемся прощании.

– Я не знаю, правильно или нет. Сегодня я хотел закончить, хотя вы ещё не понимали, что началось. Мне казалось: достаточно того, что понимаю я.

Старший впервые посмотрел ему в глаза. Жрецу захотелось добавить, что мудрость в том, чтобы вовремя остановиться, но промолчал: сейчас это прозвучало бы как оправдание.

Он выдохнул, взял оставшуюся половину печати и положил её в неглубокую нишу у основания стены. Прикрыл камнем. Затем засыпал песком так, чтобы через несколько дней никто не отличил это место от остальной кладки. Когда закончил, ладонь ещё немного полежала на песке, хотя поправлять было уже нечего.

* * *

Жрец стоял у выхода из помещения, и плечи его были прямыми, но в них чувствовалась усталость, которую он старался скрыть. За его спиной светильник снова горел спокойно. Тени не смещались, воздух оставался неподвижным.

– А если те, кто найдут, не поймут цены? – просил старший свидетель охрипшим от волнения голосом.

Жрец обернулся. Его лицо было спокойным, но в углах глаз залегли тени усталости. Он смотрел на свидетеля, которому предстояло уйти с половиной дара и вопросом, оставшимся без ответа.

– Тогда они совершат большую ошибку. Или смогут избежать её. Я оставляю им право выбора. За них я не могу ответить.

Он вышел из помещения. Старший свидетель задержался на мгновение, глядя на место, где раньше лежала печать. Сейчас там был только камень, песок и тень от стены. Он сглотнул, будто прощался, и вышел следом.

Жрец уже стоял на площадке перед сооружением, ветер трепал край его одежды – обычный ветер, который дул снаружи, а не тот, которого не было внутри. Вдали блестела река и шевелился тростник. Всё выглядело так, будто ничего не изменилось, только у жреца немного подрагивали пальцы от оставшегося волнения.

Внутри помещения, в выемке, где лежала пластина, воздух ещё долго оставался холоднее, чем снаружи. Младший ждал у тропы, бережно прижимая к боку свёрток. Старший, обернувшись к нему и увидев: человек стоял слева от собственного следа. Он не заметил ни шага,

ни перехода и не смог бы сказать, когда это случилось – сейчас или ещё там, у плиты, когда печать отзывалась жрецу. Старший открыл рот, но вопрос так и не прозвучал.

Жрец уже шёл прочь, спина его была прямой, но шаг – тяжёлым, а младший свидетель стоял неподвижно, будто пытался вспомнить, что ему нужно сделать, и не мог.

Женщина вернулась последней. Руки её были в глине по запястья. Она ничего не сказала, только кивнула, и в кивке этом читалось облегчение.

Жрец произнёс негромко, но так, чтобы все трое услышали, его голос звучал не как приказ, а как заветное:

– Разделённое – не потеряно. Собранное – не становится безопасным.

Затем он повернулся к реке и пошёл прочь от сооружения. В его походке было что-то окончательное. Свидетели оставались на месте ещё какое-то время, не глядя друг на друга. Потом разошлись в разные стороны, не сговариваясь, и каждый нёс в себе память о том, что видел, – память, которую невозможно передать словами.

Сооружение осталось стоять. Внутри, под песком и камнем, лежала половина печати. В кладке, которую через несколько дней закроют новым рядом кирпичей, была спрятана пластина. Вторая половина печати ушла в другое место, которое переживёт столетия.

А двое мужчин унесли каждый свою часть дара. Женщина шла с пустыми руками, помня кладку до последнего кирпича; чужих голосов она не слышала, скрытых направлений не видела. Ей досталась работа, для которой требовалась только человеческая память, но от этого не становилось легче.

Пламя светильника внутри помещения догорело к вечеру. Никто не зажигал его снова.

Проход со временем зарос песком, стены покрылись пылью, и даже река изменила своё русло. Город, который должен был вырасти рядом, построили дальше к западу.

Но печать осталась. Текст остался. И живые носители, пронесли через поколения знания о печати, не зная его назначения.

До тех пор, пока не пришло время снова собрать то, что было намеренно утрачено, а точнее, таким замысловатым образом передано потомкам.

Глава 1. Две недели до истины

Архив существует, но не имеет открытого местоположения. – Уведомление системы AXIS, август 2020

Катя работала на кухне, где юридические документы занимали стол рядом с чашками и зарядными устройствами. Утренний свет пробивался сквозь ветви платанов, внизу тёмной полосой блестела река, а на экране ноутбука мигал курсор в незаконченном письме. Она печатала медленно, отвлекаясь на телефон: приложение для заказа еды снова запрашивало подтверждение адреса, хотя адрес не менялся. Она нажала «Сохранить», закрыла приложение и потянулась к чайнику.

Дверь в соседнюю комнату была закрыта – исключительно ради соблюдения рабочего режима и требований изоляции. Дима проводил видеозвонок с клиентом, его голос звучал сухо и точно, будто зачитывал условия договора. Катя знала этот тон: когда Дима так говорил, возражать было бесполезно. Спорить – можно, но тоже бесполезно.

Чайник щёлкнул. Она налила воду в кружку, бросила пакетик чая и вернулась к столу. На столе рядом с документами лежал дозатор антисептика, который она успела возненавидеть за два месяца карантина. Запах спирта въелся во всё: в ручки дверей, в клавиатуру, в руки.

Звонок закончился. Дима вышел из комнаты, автоматически прикрыв дверь локтем – привычка последних недель.

– Видеозвонки ещё не передают адвокатское чутьё, – сказал он, проходя к окну. – Это, вероятно, единственная технологическая угроза моей профессии.

Катя посмотрела на него поверх кружки.

– Чайник уже научился передавать твоё настроение.

Дима не ответил, но уголки губ дрогнули. Он стоял у окна, глядя на реку, руки в карманах брюк. Пятьдесят шесть лет, седые волосы коротко острижены, спина прямая. Он выглядел так, будто карантин был для него обычной рабочей неделей, растянутой на несколько месяцев.

Катя вернулась к экрану. Электронная почта обновилась. Среди уведомлений о продлении сроков, об изменении процедур и о закрытых границах выделялось одно письмо: тема на английском, отправитель – европейский исследовательский консорциум. Она открыла, пробежала глазами первые строки, затем позвала:

– Дим, посмотри.

Он подошёл, прочитал заголовок и взял ноутбук. Читал молча, прокручивая вниз. Катя видела, как его глаза останавливаются на отдельных фразах: «специальный карантинный коридор», «цифровизация археологических материалов», «юг Ирака», «сёстры Голубевы».

– Им нужны обе? – спросила Катя.

– Да. Тая для визуализации и работы с формами, Таня для перевода и проверки смысловых связей. Официально их дар не упоминается.

– Они знают?

– Не уверен, – Дима вернул ноутбук. – Но кто-то рекомендовал сестёр как специалистов, способных работать со сложным корпусом материала.

Катя перечитала письмо внимательнее. Текст был подробным, процедурным, почти бюрократическим: документы, сроки изоляции, маршрут, тестирование, условия проживания, правила работы с цифровыми копиями. Слишком подробным для обычного приглашения.

– Они хотят отправить их в Ирак во время пандемии, – сказала она негромко. – Это безопасно?

– Безопасно – нет. Осуществимо – да. Карантинный коридор организован немецкими и иракскими специалистами, проект согласован, тестирование на каждом этапе. Но гарантий нет.

Катя закрыла ноутбук и посмотрела на закрытую дверь комнаты, где жили дочери.

– Тая уже решила ехать, – сказал Дима тихо.

– Ты знаешь?

– Знаю.

Катя вздохнула. Она ненавидела эту фразу. Не потому, что не верила Диме, а потому, что приходилось заканчивала разговор раньше, чем можно было найти контраргумент.

* * *

Тая сидела у окна с раскрытым блокнотом на коленях – синим, в твёрдом переплёте, потрёпанным по углам. Она не рисовала, а смотрела на пустую страницу, ожидая, когда форма проявится сама. Внутри росло ощущение, которое она не знала, как правильно назвать: не приказ, не голос, не видение, а физическое знание – решение нельзя откладывать, как нельзя задержать дыхание бесконечно.

Таня сидела на кровати напротив, ноутбук на коленях, наушники на шее. Она читала то же письмо, что и мать, но открыла сразу несколько вкладок: сайт консорциума, карту марш-

рута, информацию о раскопке, статистику по ковиду в Ираке, требования к визам и медицинским документам.

– Ты уже решила, – сказала Таня, не отрывая глаз от экрана.

– Да, – не задумываясь ответила Тая.

– Почему?

Тая не ответила сразу. Она провела пальцем по краю блокнота, нащупывая шероховатость бумаги, будто текстура могла заменить слова.

– Не знаю. Нам нужно там быть.

– Это не аргумент.

– Других нет.

Таня закрыла ноутбук и посмотрела на сестру. Обеим чуть за тридцать, у обеих дни рождения ещё впереди. Старшая и младшая. Тая видела то, чему не находилось места на фотографии; Таня слышала то, чего собеседник ещё не произнёс, а чаще и не собирался произносить. Но договариваться о поездке всё равно приходилось обычными словами.

– Тай, мы не обязаны лететь в Ирак во время пандемии, и только потому, что кому-то нужны наши способности. Мы даже не знаем, кто нас рекомендовал.

– Я понимаю. Но лететь надо.

– Тогда давай разберём это по пунктам. Кто отвечает за архив? Где будут храниться копии? Кто имеет доступ к исходным данным? Что произойдёт при положительном тесте? Каким образом мы вернёмся домой?

Тая слушала, глядя на блокнот. Вопросы Тани были правильными и рациональными, но внутри у Таи уже появился холодок, который она узнала: если она не поедет, останется незакрытое место. Не угроза, не катастрофа, только пустое место, которое нельзя заполнить ничем другим.

– Я не могу тебя заставить, – сказала Тая негромко. – Но если ты не поедешь, я поеду одна.

Сказала и пожалела: теперь любой ответ Тани становился ответом ещё и на это «одна». Тая отложила блокнот и попыталась исправить ситуацию:

– Прости. Согласна, давай сначала проверим. Я тоже подожду ответов.

Таня молчала. У неё в животе тоже появился холодок – знакомый, предупреждающий. Она не видела форму события, как Тая, но слышала его эмоциональную температуру. И температура говорила: это нельзя пропустить.

– Сумашествие, – выдохнула Таня, и в голосе её прозвучала почти нежность. – Я не хочу ехать, но ещё меньше я хочу оставлять тебя одну перед чем-то, что ты считаешь судьбоносным.

Тая подняла голову.

– Я не считаю это судьбоносным событием.

– Тогда зачем?

– Потому что если я не поеду, я никогда не узнаю то, что должна была узнать.

Таня открыла ноутбук снова, вернулась к письму и начала составлять список вопросов. Пальцы её стучали по клавишам быстро, почти агрессивно.

– Хорошо. Но мы проверяем всё. Каждый пункт. Каждую подпись. Каждый маршрут. И если хоть одна деталь не сходится, мы не летим. Договорились?

– Договорились.

Таня продолжала печатать. Тая смотрела на блокнот. Страница оставалась пустой, но в памяти уже появился смутный контур – не рисунок, а ощущение формы, которая ждёт, когда её найдут.

* * *

Семейное обсуждение прошло за ужином, который Катя накрыла на кухне с той же деловой точностью, с какой вела судебные дела. На столе, между тарелками, лежали распечатанные страницы письма, карта маршрута и список вопросов Тани. Хлеб, сыр, оливки – а рядом документы, будто бумагу тоже можно было есть.

Дима сидел молча, глядя на карту. Катя разливала чай. Тая и Таня ждали.

– У меня нет ответа, – сказал Дима наконец. – Как это ни странно, но я не знаю, нужно вам ехать или нет. Это необычно.

Катя поставила чайник на стол.

– Необычно – это плохо?

– Необычно – это тоже информация, – ответил Дима. – Обычно я знаю отдельные факты с абсолютной уверенностью. Здесь вместо ответа остаётся пустое место. Для меня это значит: я не могу предсказать последствия вашего выбора. Но это не означает, что последствий не будет.

Таня записала это в блокнот. Тая продолжала смотреть на карту.

– Вы понимаете, – продолжил Дима, – если вы найдёте что-то значительное, это повлияет на вашу работу, репутацию, семью и право на частную жизнь. Молчание и публикация будут одинаково ответственными решениями.

– Мы понимаем, – сказала Тая.
Катя взяла список Тани и пробежала глазами.

– Хорошо. Тогда вот что мы делаем. Я проверяю документы, маршрут и полномочия консорциума. Тая проверяет архивные процедуры и доступ к данным. Тая готовит список того, что нужно взять для работы с формами и визуализацией. Дима консультирует по юридическим аспектам контракта. Если хоть один пункт не проходит проверку, поездка откладывается.

Она положила список обратно и посмотрела на дочерей.

– А вы берёте воду, маски, лекарства, запасные зарядные устройства и бумажные копии документов. У каждой процедуры должен быть запасной вариант.

Она говорила так, будто готовила не археологическую экспедицию, а судебное заседание с непредсказуемым оппонентом.

Тая кивнула. Тая продолжала смотреть на карту, но уголки её губ дрогнули.

– Мам, – сказала Тая осторожно, – ты всё ещё надеешься, что мы не полетим?

Катя взяла кружку и отпила чай. В комнате пахло мятой и тревогой.

– Я всегда надеюсь, что мои дочери не полетят в пустыню во время пандемии. Но если они полетят, я хочу, чтобы у них было всё необходимое. Включая здравый смысл, хотя его в чемодан не положишь.

Дима положил руку на плечо Кати. Она накрыла его ладонь своей. Чай давно согрел ей пальцы, а разжать их всё равно не получалось.

Таня подвинула к отцу последнюю страницу договора.

– А с тем контрактом, который душа выбирает до рождения, можно ознакомиться заранее?

Дима посмотрел на неё внимательнее. Шутка была, но вопрос за ней остался.

– Иногда удаётся понять свою задачу. Душа приходит не впервые, у неё есть опыт. Только помнить его и уметь слышать себя – разные вещи.

– То есть я могла согласиться на испытание, а теперь даже не знаю на какое?

– Могла. Но это не готовый ответ, ехать ли в Ирак. И не оправдание всему, что с человеком могут сделать другие. Как поступишь ты – всё равно решать тебе.

Таня разгладила загнутый угол страницы.

– В земном хотя бы мелкий шрифт есть.

– Поэтому начнём с него, – сказал Дима и подвинул лампу ближе.

* * *

Таня работала за компьютером допоздна, когда в квартире уже погасили весь свет, кроме лампы на её столе. Синий экран светил ей в лицо; под лампой лежали распечатки, на которых нужно было сделать пометки карандашом. Она открыла исследовательский интерфейс AXIS – систему, к которой университет получил доступ в рамках научного консорциума. Интерфейс был простым: строка запроса, список источников, параметры уверенности.

Таня ввела несколько архивных единиц из приложения к письму и запросила предварительный перевод описаний. AXIS работал быстро, без задержек. Результат появился через несколько секунд: перевод, источники, степень уверенности – семьдесят три процента для первого фрагмента, шестьдесят восемь для второго.

Ничего необычного. Стандартная узкоспециализированная система 2020 года: разрешённый корпус, проверяемые источники, отсутствие самостоятельных выводов о мире.

Таня пролиستала дальше. В конце списка появилось небольшое уведомление: «Обнаружено несовпадение идентификаторов в связанном корпусе. Вероятная причина – ошибка синхронизации».

Она кликнула на уведомление. Открылось окно с двумя строками данных. Один идентификатор соответствовал архивной единице из списка. Второй – ARC-SHM-1947-RESTRICTED-09 – в приложение не входил. Таня попыталась открыть его, но система выдала короткое сообщение: «Связанный объект отсутствует в доступном каталоге».

Таня нахмурилась. Это могло быть ошибкой разметки, дублированием записи, устаревшей ссылкой. Ничего криминального. Она скопировала оба идентификатора в отдельный файл, написала дату и закрыла окно, но беспокойство осталось – лёгкое, как заноза под кожей.

На экране осталась строка основного запроса. Таня выключила лампу и пошла к двери, но обернулась. На экране, в свёрнутом окне AXIS, мигал курсор. Она подошла ближе.

В журнале системы осталась ссылка на архив. Ссылка выглядела правильно: префикс, номер, расширение. Но когда Таня попыталась открыть её, появилось новое сообщение:

«Архив существует, но не имеет открытого местоположения».

Таня закрыла окно, выключила компьютер и легла спать. В голове крутилась строка: архив существует, но его местоположение не открыто. Она повторяла её про себя, как заклинание, пока не уснула.

* * *

Следующие три дня ушли на подготовку к поездке. Катя проверила документы дважды, затем передала их Диме для юридической оценки. Дима прочитал контракт, отметил три спорных пункта, связался с консорциумом и получил уточнения. Таня обменялась письмами с координатором проекта, задала двенадцать вопросов о процедурах и получила ответы на одиннадцать. Двенадцатый вопрос – о резервном архиве старой исследовательской группы – остался без конкретного ответа: «информация уточняется».

Тая собрала блокнот, планшет, зарядные устройства, набор карандашей и небольшую камеру. Таня добавила ноутбук, наушники, диктофон и три USB-накопителя для резервных копий.

Катя упаковала воду, маски, антисептик, жаропонижающее, антибиотики на случай осложнений, запасные перчатки и два термометра. Дима распечатал бумажные копии всех документов, вложил их в водонепроницаемый чехол и положил в рюкзак Таи.

За день до отъезда Катя поставила чайник и позвала дочерей на кухню. Пока вода нагревалась, она расставила кружки. Дождалась щелчка и сняла чайник с подставки.

– Последний раз спрашиваю, – сказала она, наливая воду в кружки. – Вы уверены?

Тая и Таня переглянулись.

– Да, – ответила Тая.

– Нет, – ответила Таня. – Но я всё равно еду.

Катя поставила чайник на стол и села напротив.

– Хорошо. Тогда правила. Вы тестируетесь на каждом этапе. Вы не работаете с материалами, если хоть один член команды чувствует себя плохо. Вы не трогаете артефакты без разрешения ответственного лица. Вы звоните каждый день, пока есть связь. И вы не берёте с собой ничего, что выглядит древнее холодильника.

Тая улыбнулась.

– Холодильник хотя бы снижает температуру быстрее жаропонижающего.

Катя не улыбнулась. В её глазах была та серьёзность, которую дочери знали с детства: когда мать говорила таким тоном, шутки заканчивались.

– Я серьёзно, Тай. Если вы найдёте что-то, что нельзя объяснить обычным способом, вы сначала сохраняете запись, потом звоните домой, потом принимаете решение. В таком порядке, а не наоборот.

Тая кивнула. Таня записала это в блокнот.

Дима вошёл на кухню, держа в руках зелёную тетрадь – ту, в которую записывал даты, факты и редкие моменты, когда его знание давало ему нечто большее, чем отдельный факт.

– Я записал то, что знаю, – сказал он, протягивая тетрадь Тане. – Даты, имена, несколько закономерностей. Это не предсказание. Это только то, в чём я уверен. Остальное – ваша ответственность.

Таня взяла тетрадь и открыла первую страницу. Почерк Димы был мелким, точным, без исправлений. Она прочитала несколько строк, затем закрыла тетрадь и положила в рюкзак.

– Спасибо, пап.

Дима кивнул и вышел из кухни. Катя налила чай и придвинула кружки к дочерям.

– Пейте. Завтра рано вставать.

* * *

Аэропорт был поразительно пуст, таким Таня не видела его никогда. Длинные коридоры, закрытые кафе, стойки регистрации, где работал только каждый третий терминал. На полу наклеены метки дистанции, как будто люди разучились чувствовать расстояние между собой. У входа в зону досмотра стоял автоматический измеритель температуры, который пищал при каждом проходящем – монотонно, как метроном.

Тая и Таня прошли регистрацию, тестирование, проверку документов. На каждом этапе их просили подтвердить маршрут, цель поездки, контактные данные. Тая отвечала коротко, Таня показывала письмо консорциума на экране планшета.

Посадка задержалась на двадцать минут. Они сидели в зале ожидания, где половина кресел была заклеена красной лентой. Тая рисовала в блокноте – не конкретный предмет, а линии, углы, повторяющийся ритм. Таня проверяла почту на ноутбуке, её пальцы её двигались по таппаду нервно, будто искали что-то, чего там быть не могло.

Среди новых писем было уведомление от AXIS: запрос завершён, результаты сохранены в рабочей папке. Таня открыла папку. Файлы были на месте. Она пролистала журнал операций и остановилась на последней строке:

«Связанный объект существует, но не имеет открытого местоположения. Идентификатор: ARC-SHM-1947-RESTRICTED-09».

Таня сверила идентификатор с вечерней записью. Тот же. Новым оказалось поле владельца: материалы старой экспедиции были переданы консорциуму, но разрешения на просмотр приложений в её учётной записи не было. Она внесла это в журнал доступа и отправила координатору короткий запрос.

На табло появилось сообщение о начале посадки на их рейс. Таня закрыла ноутбук, подняла рюкзак и посмотрела на Тая.

– Готова?

Тая закрыла блокнот и встала.

– Да.

Они прошли к выходу на посадку. За стеклом, на лётном поле, стоял самолёт – белый, с синей полосой вдоль борта. Небо над аэропортом было серым и низким.

Таня обернулась. В зале ожидания больше никого не было. Только пустые кресла, закрытые кафе и метки на полу. Тишина была такой, что казалось, будто весь мир остался позади, а они уже вышли за его границу.

– Таня, – позвала Тая.

Таня повернулась. Тая стояла у выхода, рюкзак на плече, синий блокнот в руке.

– Идём.

Таня кивнула и пошла следом.

* * *

Самолёт летел через ночь. Тая спала, откинув голову на подголовник, дыхание ровное, лицо спокойное. Тане не спалось. Она смотрела в окно, где небо было чёрным, а внизу мелькали редкие огни городов, дорог, одиноких поселений – маленькие точки света в огромном океане темноты.

В ушах стоял лёгкий гул – не физический, а внутренний. Она узнавала его: чужое пространство, чужое время, чужие люди, чьи мысли и чувства не успели стать привычными. Это

был фон, который она научилась не слушать, но заглушить совсем не могла – как шум крови в собственных венах.

Она достала наушники, включила музыку. Стало немного легче.

В кармане рюкзака лежал ноутбук в спящем режиме. Таня достала его, ввела пароль и открыла сохранённый журнал AXIS. Связи на борту не было; перед ней оставался ответ, полученный ещё в аэропорту.

Под временем последней проверки стояло:

«Архив существует, но не имеет открытого местоположения».

Таня закрыла окно, но ноутбук не выключила. Вместо этого она открыла текстовый редактор и начала записывать:

«Август 2020. Франкфурт–Багдад. Идентификатор ARC-SHM-1947-RESTRICTED-09. Архив существует, местоположение не открыто. AXIS сообщает об ошибке синхронизации. Возможные объяснения: дублирование записи, устаревшая ссылка, закрытый доступ, умышленное исключение из каталога. Проверить при первой возможности».

Она сохранила файл, закрыла ноутбук и посмотрела на Таю. Та продолжала спать, дыхание ровное, лицо спокойное. Таня не завидовала этому спокойствию – она знала, что у Таи свои ночные видения, которые не всегда отпускают даже во сне.

Таня достала свой блокнот – не синий, а чёрный, в мягкой обложке – и записала короткую заметку:

«Тая уже решила. Я еду, чтобы не оставлять её одну. Не знаю, правильно ли это. Но не поехать было бы точно неправильно».

Она закрыла блокнот, убрала наушники и закрыла глаза. Гул в ушах не исчез, но стал тише, растворился в шуме двигателей и чужого дыхания.

За окном небо начало светлеть – сначала стало тёмно-синее, потом серое, потом почти белое.

* * *

В Багдаде их встретил представитель консорциума – мужчина средних лет в белой рубашке, с планшетом в руках и маской на лице. Он проверил документы, провёл через тестирование, объяснил процедуру трансфера. Говорил по-английски медленно, отчётливо, будто зачитывал инструкцию.

– Дорога займёт шесть часов. Вы едете в сопровождении медицинского специалиста. На полпути остановка для повторного тестирования. По прибытии – карантинная изоляция двадцать четыре часа, затем допуск к работе. Вопросы?

Таня подняла руку.

– Кто ещё работает на объекте?

Мужчина пролистал планшет.

– Доктор Хольм, руководитель раскопок. Два эпиграфиста, один из них молодой специалист. Настя Крюкова, археолог из Москвы. Локальная команда – четыре человека. Все протестированы, изолированы, следуют протоколу.

– Сколько времени у нас на работу?

– Две недели. Возможно продление при согласии всех участников и отрицательных тестах.

Таня кивнула. Тая слушала молча, глядя на карту на стене терминала.

Мужчина убрал планшет и указал на выход.

– Машина ждёт. Удачи.

Они вышли на площадь перед терминалом. Жара ударила сразу – сорок градусов, сухой воздух, запах пыли и бензина. Солнце ударило в глаза, и Таня прищурилась, доставая солнцезащитные очки из кармана рюкзака. Машина стояла у обочины – белый внедорожник с затемнёнными стёклами. Водитель открыл дверь, не выходя из салона.

Тая и Таня сели на заднее сиденье. Рюкзаки положили на пол. Машина тронулась, выехала на шоссе и направилась на юг.

Таня смотрела в окно. За стеклом мелькали небольшие поселения пригорода Багдада, пустыри, одинокие здания, блокпосты. Тая достала блокнот и начала рисовать – не то, что видела за окном, а то, что чувствовала внутри: линии, углы, ритм, форма, которая ещё не имела названия, но уже требовала быть увиденной на бумаге.

Таня посмотрела на рисунок.

– Что это?

– Не знаю, – ответила Тая, не отрываясь от блокнота. – Ещё не знаю.

Машина ехала на юг, в пустыню, к месту, где несколько тысяч лет назад кто-то спрятал в кладке глиняную табличку в кладке, и половину расколотой печати – в нише у основания стены.

Таня достала телефон. Сообщение матери – «Доехали, всё хорошо» – пока было неправдой: ехать оставалось ещё несколько часов. Она стёрла первое слово и написала: «Прилетели. Мы вместе». Дождалась отметки доставки, только потом снова посмотрела на рисунок.

Глава 2. Ловушка времени

Холод древности приходит не сразу. Сначала – только прикосновение.

Жара встретила их сразу, как только машина остановилась и открылась дверь, сухим ударом воздуха, от которого маска прилипла к лицу и намокла за полминуты. Тая вышла первой, прищурилась от света и поняла, что дышать здесь придётся по-другому: медленнее, короче, экономнее.

Тая осталась в салоне на несколько секунд дольше, вслушиваясь в новое пространство. Голоса, шум генератора, работающий вентилятор, чужие мысли – не слова, а фон, плотный, но пока не агрессивный. Она выдохнула, собрала этот фон в привычный внутренний шум и вышла следом за сестрой.

Лагерь располагался на окраине раскопа, где древнее сооружение ещё не поднималось над землёй, а только проступало сквозь песок линиями фундамента. Три палатки, контейнер для оборудования, изолированная зона с отдельным входом, столы под навесом, вода в боль-

ших баках, медицинский журнал рядом с журналом находок. Всё размечено лентами: рабочая зона, жилая, карантинная.

Их встретил доктор Хольм – мужчина лет шестидесяти, загорелый, в потёртой полевой куртке и маске, которую он снял только после того, как они прошли через измерение температуры и обработку рук.

– Добро пожаловать, – сказал он по-английски, медленно и с небольшим немецким акцентом. – Пройдёмте. Покажу, где вы будете жить, потом где работать. Все вопросы – после изоляции.

Он не спрашивал, как прошла дорога, и не объяснял историю раскопа. Вёл через лагерь, указывая на отметки: синяя – можно подходить, красная – только после разрешения, жёлтая – передача через обработку.

Таня записывала мысленно каждую метку. Тая смотрела на линии фундамента, едва различимые под слоем песка и защитной ткани.

* * *

Настя появилась через полчаса, когда сёстры уже разложили вещи в палатке и проверили связь с домом. Она остановилась за лентой у входа, в маске, с планшетом в руках и рюкзаком на плече, и сразу произнесла, не здороваясь:

– Археология в 2020 году начинается не с лопаты, а с доказательства, что ты не являешься угрозой археологии.

Повисла неловкая пауза, поскольку ответа на это заявление не было заготовлено.

– Привет, я Настя.

Таня улыбнулась под маской, хотя знала, что улыбку не видно.

– Таня. Это Тая. Мы сёстры.

Настя кивнула, опустила рюкзак на землю с глухим стуком и поморщилась.

– Кружка, – объяснила она. – Путешествует со мной третий сезон. Вещь совершенно не археологическая, но берегу её больше собственного планшета.

Она проверила боковой карман, успокоилась и только тогда вернулась к делу.

– Вы уже прошли инструктаж?

– Частично, – ответила Таня. – Метки, маршруты, журнал.

– Хорошо. Тогда сразу к делу. – Настя открыла фотографию и отправила её на рабочий адрес сестёр. – Неделю назад нашли табличку. Глиняная, шумерская эпоха, хорошая сохранность. В описи T1. Но структура странная.

Тая наклонилась к ноутбуку Тани. Знаки располагались не строками, а блоками, будто кто-то записывал не текст, а схему действий.

– Текст не строками.

– Именно. Блоками. И с интервалами, которые можно принять за числовые. Молодой эпиграфист считает, что это повествовательный текст с повреждениями. Я думаю, что это старинный протокол.

Таня увеличила изображение. На миг ей послышался обрывок слова, слишком короткий, чтобы записать. Она сняла наушники с шеи: звук пришёл не из них.

– Протокол чего?

Настя пожала плечами.

– Пока не знаю. Но форма говорит сама за себя: повторяющиеся блоки, указание направлений, возможные координаты. Это не история. Это последовательность.

– Вы проверяли структуру на совпадения? – спросила Тая.

– Частично. Прогнали через AXIS, он дал несколько кластеров, но они слишком слабые для публикации. Я хотела бы, чтобы вы посмотрели на геометрию текста. И на его контекст.

Таня сохранила фотографию вместе с номером находки.

– Когда начнём?

– Завтра. После повторного теста и разрешения Хольма.

Настя надела рюкзак и шагнула от входа, но обернулась.

– Кстати, Таня. Я читала твою статью о смысловых связях в архивных корпусах. Хорошая работа. Но здесь, вероятно, придётся работать с материалом, у которого контекст оборван.

– Я привыкла, – кивнула Таня.

– И ещё, – добавила Настя, уже на пороге, – если вдруг начнёте видеть то, что не должны видеть, скажите мне первой. До того, как решите, что сошли с ума.

Она вышла, не дожидаясь ответа. Тая посмотрела на закрытую дверь палатки, затем на синий блокнот, лежавший на краю стола.

– Она права, – сказала Тая негромко. – Это не история.

Таня не ответила. Холодок в животе не проходил.

* * *

Н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.